

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1033
Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой
акционерного общества «ТАРКЕТТ РУС»

город Санкт-Петербург

8 июля 2025 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.Д.Князева,
А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской
Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,
частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального
конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке
конституционности пункта 3 статьи 1033 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба акционерного общества
«ТАРКЕТТ РУС». Основанием к рассмотрению дела явилась
обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли
Конституции Российской Федерации оспариваемое законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Ю.Бушева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Акционерное общество «ТАРКЕТТ РУС» (далее также – АО «ТАРКЕТТ РУС») оспаривает конституционность пункта 3 статьи 1033 ГК Российской Федерации, согласно которому предусмотренные договором коммерческой концессии ограничительные условия могут быть признаны недействительными по требованию антимонопольного органа или иного заинтересованного лица, если эти условия с учетом состояния соответствующего рынка и экономического положения сторон противоречат антимонопольному законодательству.

1.1. Федеральной антимонопольной службой (ФАС России) в рамках рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства АО «ТАРКЕТТ РУС» было установлено наряду с прочим, что ограничительные условия и запреты, предусмотренные договорами коммерческой концессии, заключенными названным обществом, не затрагивали осуществления исключительных прав АО «ТАРКЕТТ РУС», а касались продукции (товаров) и исключительных прав третьих лиц. В частности, договоры с дистрибьюторами содержали ограничения их деятельности в виде обязанности не рекламировать, не иметь в торговом предложении, не иметь на складе и не осуществлять реализацию аналогичных товаров (в том числе линолеума) других производителей. За нарушение поименованных обязательств договорами коммерческой концессии предусматривалась ответственность дистрибьютора в виде штрафа в размере 500 000 рублей, за повторное нарушение – 1 000 000 рублей.

При этом по результатам проведенного ФАС России анализа состояния конкуренции на рынке напольных покрытий (линолеума) на территории Российской Федерации было установлено, что группа лиц АО «ТАРКЕТТ

РУС» занимает на рынке линолеума доминирующее положение с долей более 50 процентов.

Поскольку же включение в указанные договоры доминирующим хозяйствующим субъектом в отношении дистрибьюторов различных запретов, в том числе на реализацию напольных покрытий других производителей, в совокупности со значительными штрафными санкциями за их несоблюдение, по мнению ФАС России, являлось нарушением антимонопольного законодательства, в отношении АО «ТАРКЕТТ РУС» было принято соответствующее решение и выдано предписание о необходимости устранения выявленных нарушений, которые выразились, в частности, в создании препятствий доступу на товарный рынок другим хозяйствующим субъектам (пункт 9 части 1 статьи 10 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции») и в осуществлении координации экономической деятельности хозяйствующих субъектов (часть 5 статьи 11 названного Федерального закона).

Решением Арбитражного суда города Москвы от 12 декабря 2022 года, с которым согласились суды апелляционной (постановление от 5 апреля 2023 года) и кассационной (постановление от 16 августа 2023 года) инстанций, отказано в удовлетворении требований заявителя и ряда других лиц о признании недействительными указанных решения и предписания ФАС России. В передаче кассационной жалобы названного общества для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отказано (определение судьи этого суда от 8 декабря 2023 года), с чем согласился заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письмо от 7 февраля 2024 года).

1.2. По мнению АО «ТАРКЕТТ РУС», пункт 3 статьи 1033 ГК Российской Федерации противоречит статьям 1 (часть 1), 2, 15 (часть 4), 18, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 34 (часть 1), 46, 50, 55 (части 2 и 3) и 75¹ Конституции Российской Федерации в той мере, в какой он в силу неопределенности своего содержания и по смыслу, придаваемому ему

правоприменительной практикой, допускает квалификацию ограничительных условий договоров коммерческой концессии как недействительных ввиду противоречия антимонопольному законодательству на основании требования антимонопольного органа в обход судебной процедуры. Тем самым, как полагает заявитель, создается правовая неопределенность, а хозяйствующие субъекты лишаются возможности предвидеть негативные последствия заключения таких соглашений, притом что антимонопольное законодательство содержит для договоров коммерческой концессии различного рода исключения (иммунитеты) из общих устанавливаемых таким законодательством ограничений (часть 4 статьи 10, часть 9 статьи 11, часть 1 статьи 12 Федерального закона «О защите конкуренции»).

Таким образом, исходя из предписаний статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» пункт 3 статьи 1033 ГК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой с учетом данной нормы решается вопрос о признании антимонопольным органом ограничительных условий договора коммерческой концессии противоречащими антимонопольному законодательству в рамках административной процедуры.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя в России условия для функционирования рыночной экономики – единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности (статья 8, часть 1), относит к числу прав и свобод, признание, соблюдение и защита которых являются обязанностью государства (статья 2), право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1) и право частной собственности, охраняемое законом и включающее в себя право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и

распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 35, части 1 и 2), а также возлагает на Правительство Российской Федерации обязанность содействовать развитию предпринимательства и частной инициативы (статья 114, пункт «е³» части 1).

По смыслу приведенных конституционных предписаний в их взаимосвязи со статьями 17, 18, 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 74 (часть 1) и 75¹ Конституции Российской Федерации в России должны создаваться находящиеся под государственной, прежде всего судебной, защитой благоприятные условия для функционирования экономической системы, приниматься меры, направленные на оптимизацию регулирования экономических отношений, на создание условий для устойчивого экономического роста и повышения благосостояния граждан, на обеспечение социального партнерства, экономической и социальной солидарности (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2023 года № 14-П, от 24 апреля 2025 года № 17-П и др.).

В то же время, закрепляя фундаментальные основы экономической свободы человека, Конституция Российской Федерации исходит из того, что реализация этой свободы сопряжена с соблюдением условий, установленных законом (статья 15, часть 2), не должна выходить за пределы, очерченные в том числе недопустимостью нарушения прав и свобод других лиц (статья 17, часть 3), необходимостью сбалансированности прав и обязанностей граждан (статья 75¹) и запретом экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (статья 34, часть 2), а также может подвергаться законодательным ограничениям постольку, поскольку это необходимо для защиты конституционно охраняемых ценностей (статья 55, часть 3). В силу конституционного принципа справедливости свобода, признаваемая за лицами, ведущими предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, и гарантируемая им защита должны быть уравновешены обращенным к этим лицам (в первую очередь к тем из них, кто занимает доминирующее положение в той или иной сфере) требованием

ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает их хозяйственная деятельность (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 10-П, от 24 июня 2009 года № 11-П и др.; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2010 года № 1277-О-О и др.).

Применительно к интеллектуальным правам это означает обязанность их обладателя соблюдать общеправовые принципы реализации прав и свобод, в частности добросовестность при их осуществлении и недопустимость злоупотребления ими. В связи с этим интеллектуальные права, как и право собственности, подлежат защите исходя из общего блага и необходимости поддержания конкурентной экономической среды, в том числе в целях утверждения в Российской Федерации конституционно значимых ценностей (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 года № 8-П, от 24 марта 2023 года № 10-П и др.).

Конституционные положения обязывают государство поддерживать конкуренцию, создавать условия для эффективного функционирования товарных рынков, предупреждать и пресекать монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию, противодействовать недопущению, ограничению, устранению конкуренции со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов и организаций (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2013 года № 1-П). При этом, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, государство вправе и обязано осуществлять в сфере экономических отношений контрольную функцию, которая по своей конституционно-правовой природе производна от его организующего и регулирующего воздействия на общественные отношения и присуща всем органам государственной власти в пределах закрепленной за ними компетенции (постановления от 18 июля 2008 года № 10-П, от 17 января 2013 года № 1-П, от 17 февраля 2022 года № 7-П и от 30 марта 2023

года № 12-П; определения от 28 июня 2018 года № 1577-О, от 26 ноября 2018 года № 3063-О и др.).

В этих целях и исходя из необходимости защиты прав и свобод граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью, принят ряд федеральных законов, включая Федеральный закон «О защите конкуренции», сформирована система федеральных органов исполнительной власти по контролю за их соблюдением.

В настоящее время функциями по принятию нормативных правовых актов, регулирующих обеспечение конкуренции в сфере экономической деятельности, и контролю за их соблюдением наделена ФАС России, осуществляющая возложенные на нее полномочия непосредственно и через свои территориальные органы во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, Центральным банком Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями (пункты 1 и 4 Положения о Федеральной антимонопольной службе, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 года № 331).

3. К числу наиболее значимых направлений антимонопольного регулирования относится противодействие злоупотреблению субъектами экономической деятельности доминирующим положением, а также ограничивающим конкуренцию соглашениям хозяйствующих субъектов.

В связи с этим Федеральным законом «О защите конкуренции» устанавливается ряд запретов. В частности, пунктом 9 части 1 статьи 10 названного Федерального закона, на нарушение которого указывала ФАС России в деле заявителя, запрещаются действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта, результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей, создание препятствий доступу на

товарный рынок или выходу из товарного рынка другим хозяйствующим субъектам. Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что часть 1 указанной статьи, устанавливая запрет на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением и приводя примерный перечень наиболее распространенных видов таких злоупотреблений (к которым, в частности, относятся и злоупотребления, связанные с доступом на рынок и выходом из него, поименованные в пункте 9 этой части), прямо направлена на реализацию статьи 34 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 17 (часть 3) и 55 (часть 3) (Определение от 16 июля 2015 года № 1714-О). Вместе с тем названная статья в части 4 предусматривает, что ее требования не распространяются на действия по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг.

С учетом сказанного принципиальное значение приобретает необходимость оценки правоприменителем действий хозяйствующего субъекта, потенциально представляющих собой злоупотребление доминирующим положением, на предмет их соответствия критерию (исключению), заложенному в части 4 статьи 10 Федерального закона «О защите конкуренции».

Что касается предусмотренного статьей 11 названного Федерального закона запрета ограничивающих конкуренцию соглашений, в частности запрета «вертикальных» соглашений между хозяйствующими субъектами, если такими соглашениями предусмотрено обязательство покупателя не продавать товар хозяйствующего субъекта, который является конкурентом продавца (если только речь не идет об организации покупателем продажи товаров под товарным знаком либо иным средством индивидуализации продавца или производителя) (пункт 2 части 2), а также запрета иных соглашений между хозяйствующими субъектами, если установлено, что такие соглашения приводят или могут привести к ограничению конкуренции, включая соглашения о создании другим хозяйствующим субъектам

препятствий доступу на товарный рынок или выходу из товарного рынка (пункт 3 части 4), то они не распространяются на соглашения, признаваемые допустимыми в соответствии со статьей 12 данного Федерального закона, часть 1 которой, в свою очередь, разрешает «вертикальные» соглашения в письменной форме (за исключением «вертикальных» соглашений между финансовыми организациями), если эти соглашения являются договорами коммерческой концессии.

Кроме того, частью 9 статьи 11 Федерального закона «О защите конкуренции» также предусмотрено, что требования этой статьи не распространяются на соглашения о предоставлении и (или) об отчуждении права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг.

Таким образом, сказанное позволяет сделать вывод о том, что антимонопольное законодательство содержит презумпцию соответствия антимонопольным требованиям ряда действий и соглашений хозяйствующего субъекта (в том числе занимающего доминирующее положение) в части содержащихся в договоре коммерческой концессии некоторых ограничительных условий, притом что, помимо прочего, они связаны с использованием объектов интеллектуальных прав и распоряжением ими. Соответственно, бремя опровержения указанной презумпции должно, по общему правилу, возлагаться на антимонопольный орган.

Из сказанного также следует, что если соглашение, в том числе «вертикальное», между правообладателем и пользователем, не являющимися финансовыми организациями, соответствует всем признакам договора коммерческой концессии и требованиям к нему, установленным в главе 54 ГК Российской Федерации, то запреты антимонопольного законодательства применяются к нему с учетом названных изъятий.

Вместе с тем понимание и применение названных иммунитетов с учетом сложившейся в России системы построения правовых норм, включая

их иерархию, не может осуществляться изолированно, вне связи с иными нормативными положениями (прежде всего предусмотренными в Конституции Российской Федерации), а также правилами их толкования, неоднократно приводимыми в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (Постановление от 21 января 2025 года № 2-П; Определение от 10 апреля 2025 года № 907-О и др.).

Так, не следует исключать такого толкования указанных антимонопольных иммунитетов, при котором применительно к положениям части 4 статьи 10 Федерального закона «О защите конкуренции» ограничительные условия, запрещающие пользователю (дистрибьютору) продавать товары конкурентов правообладателя, могут с учетом конкретной ситуации и не рассматриваться как способ осуществления правообладателем своих исключительных прав на соответствующие объекты интеллектуальной собственности, поскольку в подобных случаях речь может идти об ограничениях, непосредственно затрагивающих использование таких объектов, принадлежащих другим лицам, что выходит за пределы сферы прав и законных интересов правообладателя.

Кроме того, едва ли указанные иммунитеты охватывают действия, в которых названные объекты интеллектуальной собственности являются не самостоятельным или основным (как, например, при заключении лицензионного договора), а лишь одним (тем более второстепенным) из тесно связанных между собой в хозяйственной операции объектов оборота.

Иной подход нивелировал бы запреты, установленные, например, в статье 10 данного Федерального закона, поскольку для их преодоления (обхода) достаточно было бы лишь дополнения запрещенного законом действия (бездействия) действием по осуществлению исключительных прав, притом что последнее не является основной целью соответствующей хозяйственной операции (например, занимающий доминирующее положение хозяйствующий субъект реализует по монополюно высокой или монополюно низкой цене товар, маркированный средством индивидуализации продукции).

С учетом тех же соображений возможен вывод о том, что не подлежит расширительному толкованию и допустимость применения иммунитета к любым соглашениям, указанным в части 9 статьи 11 Федерального закона «О защите конкуренции». О необходимости ограничительного понимания этого иммунитета также может свидетельствовать и включение в законодательство специального иммунитета по договору коммерческой концессии (часть 1 статьи 12 того же Федерального закона). Расширительное же толкование правила части 9 статьи 11 Федерального закона «О защите конкуренции» лишало бы смысла установление в том же нормативном акте специального иммунитета для соглашений, в которых может предусматриваться в числе прочего и предоставление права использования тех же результатов интеллектуальной деятельности, что и в общем правиле.

Необходимо также учитывать и то, что совершение защищенного иммунитетом деяния в различных экономических условиях (таких как количество конкурентов, соотношение спроса и предложения на товарном рынке, доступность соответствующего замещающего товара, доля дистрибьютора (пользователя) на рынке торговых услуг, тем более если оказание таковых предполагает наличие специальной инфраструктуры, обусловленной особенностями потребительских свойств товара, и т.д.) может приводить к различному влиянию на состояние конкуренции. При одной совокупности условий такое влияние, даже будучи потенциально негативным, при заключении и исполнении договора коммерческой концессии обычно не является существенным, поскольку компенсируется тем, что на соответствующий рынок под контролем правообладателя посредством такого договора привносятся имеющие ценность бизнес-процессы, технологии (ноу-хау), другие объекты интеллектуальных прав, применение которых в отношении товаров (работ, услуг) в конечном счете отвечает интересам потребителя и развитию конкуренции на товарном рынке в целом. Вместе с тем с течением времени возможно возникновение и такой совокупности условий, при которой подпадающее под иммунитет поведение окажет существенное негативное воздействие на состояние конкуренции,

интересы потребителей и иных лиц. При таких обстоятельствах дальнейшее распространение иммунитетов на условия договора, допускающие поведение, нарушающее права или охраняемые законом интересы третьих лиц, не может более оставаться оправданным, вследствие чего договор может быть признан судом недействительным (в части соответствующих условий) по правилам об оспоримых сделках (пункт 2 статьи 166 и статья 180 ГК Российской Федерации). Осознание же такого воздействия и намеренное продолжение указанного поведения могут также привести к выводу о недобросовестности правообладателя (в том числе о злоупотреблении правом) – единолично или совместно с пользователем – и, следовательно, о необходимости отказа в защите этого права (пункт 4 статьи 1 и статья 10 ГК Российской Федерации).

С учетом предоставления законодателем сторонам договора коммерческой концессии названных иммунитетов и основанных на них специальных презумпций важным для правоприменителя является отграничение этого договора от правовых конструкций (моделей), опосредующих схожие отношения по использованию аналогичных объектов интеллектуальных прав, с тем чтобы пресекать поведение, направленное на получение преимуществ от обхода установленных антимонопольным законодательством ограничений принципа свободы договора.

4. Договор коммерческой концессии представляет собой правовую форму одной из применяемых в экономическом обороте моделей организации предпринимательской деятельности, отличающуюся своеобразием состава соответствующих прав и обязанностей и их распределения между участниками соответствующих отношений, но в конечном счете направленную на установление баланса по несению разного рода рисков, возникающих в процессе предпринимательства. При этом один из характерных отличительных (существенных) признаков указанной договорной модели состоит в предоставлении правообладателем пользователю права на использование не отдельных, а именно комплекса исключительных прав, принадлежащих правообладателю, в

предпринимательской деятельности пользователя. Кроме того, поскольку результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в процессе их использования обычно ассоциируются у приобретателей соответствующих товаров (работ, услуг) с определенными стандартами качества, способностью удовлетворить те или иные потребности (включая личные бытовые) – причем для формирования и поддержания положительного имиджа (деловой репутации) производителя таких товаров (работ, услуг), тем более в условиях конкуренции, и, как следствие, для повышения их оборотоспособности могут потребоваться значительные затраты, – правообладатель при передаче комплекса исключительных прав иному лицу заинтересован в установлении определенного контроля за деятельностью последнего или оказании на нее существенного влияния.

Так, исходя из положений пункта 1 статьи 1027 ГК Российской Федерации правообладатель, распоряжаясь своим исключительным правом, вправе заключить договор коммерческой концессии, приняв обязательство предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау).

Сторонами такого договора, соответственно, могут быть коммерческие организации и граждане, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей (пункт 3 той же статьи). Предоставление права использования в предпринимательской деятельности пользователя комплекса принадлежащих правообладателю исключительных прав по договору коммерческой концессии подлежит государственной регистрации в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности; при несоблюдении требования о государственной регистрации предоставление права использования считается несостоявшимся (пункт 2 статьи 1028 ГК Российской Федерации).

Обладая определенным сходством с рядом других договорных форм (купля-продажа, комиссия, агентирование, лицензионный договор, договор простого товарищества и т.д.), которыми также могут опосредоваться отношения, преследующие цель создания производственной, торговой или сбытовой сети для продвижения товаров или услуг, расширения рынка их сбыта, договор коммерческой концессии обладает особым назначением, которое заключается в формировании правовой основы для использования коммерческой модели и опыта правообладателя в предпринимательской деятельности пользователя.

В соответствии с пунктом 2 статьи 1027 ГК Российской Федерации по договору коммерческой концессии использование комплекса исключительных прав, деловой репутации и коммерческого опыта правообладателя предусматривается в определенном объеме (в частности, с установлением минимального и (или) максимального объема использования), с указанием или без указания территории использования применительно к определенной сфере предпринимательской деятельности (продаже товаров, полученных от правообладателя или произведенных пользователем, осуществлению иной торговой деятельности, выполнению работ, оказанию услуг).

Приведенными положениями прямо устанавливается, что договор коммерческой концессии может опосредовать организацию деятельности в сфере торговли и, соответственно, условиями договора коммерческой концессии могут регулироваться отношения по продаже товаров, полученных от правообладателя. Вопрос о надлежащей правовой квалификации складывающихся отношений и их разграничении со схожими правовыми моделями приобретает особое значение в ситуации, когда реализация товара осуществляется не самим его производителем (не только им), а по договору иным лицом, поскольку, в частности, в силу принципа исчерпания прав продажа товара не сопряжена с обязательным предоставлением права использования товарных знаков: по смыслу статьи 1487 ГК Российской Федерации не является нарушением исключительного

права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия. С учетом этого не требуется отдельного соглашения о предоставлении права использования товарного знака только на товаре и исключительно для целей его продажи, а, соответственно, договоры, предполагающие предоставление права использования товарного знака в таких пределах, не могут рассматриваться как договоры коммерческой концессии. Допускается и заключение смешанного договора, содержащего, например, обязательства как по агентированию, в рамках которого могут устанавливаться ограничения прав принципала и агента по взаимодействию с другими лицами на определенной территории (пункты 1 и 2 статьи 1007 ГК Российской Федерации), так и по лицензионному договору, также предполагающему установление пределов прав и способов использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (статья 1235 ГК Российской Федерации).

Соответственно, для пресечения практики обхода требований антимонопольного законодательства, в частности посредством совершения мнимых и притворных сделок с намерением формально распространить на свою деятельность предусмотренные законом иммунитеты, требуется установить соответствие условий заключенного сторонами договора признакам договора коммерческой концессии, как они определены положениями главы 54 ГК Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации ранее отмечал, что в случае необходимости защиты общих (общественных) интересов в той или иной сфере федеральный законодатель вправе использовать в регулировании соответствующих отношений сочетание частноправовых и публично-правовых элементов, которое наиболее эффективным образом будет обеспечивать взаимодействие частных и публичных интересов в данной сфере (постановления от 18 июля 2008 года № 10-П, от 20 декабря 2011 года № 29-П, от 12 июля 2023 года № 39-П и др.). При этом, как следует из

неоднократно высказанных им правовых позиций (постановления от 24 марта 2017 года № 9-П, от 12 июля 2023 года № 39-П и др.), законодатель обязан при выборе средств и способов правового воздействия основываться на сложившейся отраслевой системе правового регулирования и общих принципах соответствующих отраслей права, публичного или частного, что, принимая во внимание необходимость учитывать социальные, экономические и иные факторы, определяющие объективные пределы его конституционных полномочий, не препятствует исходя из особенностей правоотношений прибегнуть к правовому регулированию конкретных сфер общественных отношений с использованием правовых средств межотраслевого характера. Когда сочетание публично-правовых и частноправовых элементов в правовом регулировании возникает не произвольно, а ввиду конституционно обусловленных потребностей в наиболее эффективном решении государственных задач, нет повода усматривать в этом отступление от принципов правового государства. В ряде решений (включая Постановление от 12 января 2023 года № 2-П) Конституционный Суд Российской Федерации также обратил внимание на то, что регулятивные нормы, непосредственно закрепляющие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же нормативном акте, что и нормы об ответственности за их нарушение.

5. Оспариваемый пункт 3 статьи 1033 ГК Российской Федерации регулирует прежде всего гражданско-правовой аспект несоответствия условий договора коммерческой концессии антимонопольному законодательству, предусматривая для такого случая возможность признания их недействительными. Причем по буквальному его толкованию предпосылкой такого признания выступает именно противоречие договорных условий – с учетом их фактического или предполагаемого применения – антимонопольному законодательству. В этой связи действительность условий договора с точки зрения частноправовых обязательственных отношений и их законность (включая соответствие антимонопольному законодательству) не тождественны друг другу.

Гражданское законодательство принципиально не исключает ситуаций, при которых сделка может сохранять действительность даже в отдельных случаях противоречия ее закону до тех пор, пока она не будет признана недействительной в судебном порядке.

Кроме того, учитывая необходимость рассмотрения того или иного законодательного предписания не изолированно, а в системе действующего правового регулирования, следует иметь в виду и то, что включение его в нормативный акт, традиционно относимый к одной из отраслей права, тем более кодифицированный (например, в Гражданский кодекс Российской Федерации), предполагает констатацию отраслевой (применительно к оспариваемой норме – гражданско-правовой) природы или ограниченного предмета регулирования (в настоящем деле – договора коммерческой концессии) такого предписания, которое, несмотря на его расположение законодателем в отраслевом кодексе, может иметь иную правовую природу (например, нормы о государственной регистрации договора, перехода права, о лицензировании деятельности и т.п.) и (или) двойственный предмет регулирования. На такое понимание оспариваемой нормы ориентирует и законодатель, включив в ее текст отсылку к антимонопольному законодательству, а также процессуальным правам антимонопольного органа и иных заинтересованных лиц. Соответственно, применение такой нормы тем более не должно осуществляться вне связи с нормами иной отраслевой принадлежности и иного предмета регулирования, призванными воздействовать на поведение сторон хотя и различными методами, но применительно к одним и тем же отношениям. Будучи прямым следствием деятельности в экономической сфере, антимонопольные требования и ограничения также неразрывно с нею связаны. Их применение, таким образом, в большей степени обусловлено деятельностью субъекта в рамках гражданских правоотношений.

Пункт 1 статьи 1033 ГК Российской Федерации содержит перечень допустимых ограничений прав сторон по договору коммерческой концессии, которые могут быть им предусмотрены и в числе которых названо

негативное обязательство пользователя не осуществлять реализацию аналогичных товаров, выполнение аналогичных работ или оказание аналогичных услуг с использованием товарных знаков или коммерческих обозначений других правообладателей.

Допустимость включения в договор коммерческой концессии подобных условий объясняется тем, что в рамках указанных отношений правообладатель, по существу, предоставляет контрагенту готовую модель осуществления коммерческой деятельности, что предполагает использование последним комплекса исключительных прав, деловой репутации и коммерческого опыта правообладателя в определенном объеме (пункт 2 статьи 1027 ГК Российской Федерации), передачу пользователю технической и коммерческой документации и предоставление иной информации, а также, по общему правилу, техническое и консультативное содействие, включая содействие в обучении и повышении квалификации работников и т.п. (статья 1031 ГК Российской Федерации). Соответственно, реализация пользователем предоставленных ему правообладателем возможностей при одновременном продвижении на рынке товаров конкурентов может при определенных обстоятельствах рассматриваться как несправедливое осуществление предпринимательской деятельности, не соответствующее принципу добросовестной конкуренции.

Вместе с тем исходя из содержания оспариваемой заявителем нормы сама по себе возможность того, что и такие ограничительные условия, несмотря на их прямое упоминание в Гражданском кодексе Российской Федерации в качестве допустимых, с учетом состояния соответствующего рынка и экономического положения сторон окажутся противоречащими антимонопольному законодательству, принципиально не исключается, хотя риск признания их таковыми значительно снижается благодаря тому, что упомянутыми в настоящем Постановлении положениями Федерального закона «О защите конкуренции» предусматривается, помимо прочих, специальный иммунитет в отношении договора коммерческой концессии.

Соответственно, пункт 3 статьи 1033 ГК Российской Федерации, прямо предусматривающий возможность признания недействительными ограничительных условий договора коммерческой концессии, сформулирован как подлежащий применению с учетом не любых, а определенных обстоятельств, к которым относятся: состояние рынка, включая наличие тех или иных факторов общего характера, оказывающих воздействие на широкий круг хозяйствующих субъектов, в том числе чрезвычайные ситуации, ограничительные (санкционные) меры, резкое возрастание или уменьшение спроса на те или иные категории товаров и т.п., а также экономическое положение сторон, при оценке которого следует руководствоваться принципами равенства, добросовестности и разумной осмотрительности. В этом смысле оспариваемое законоположение содержит предписания, которые следует рассматривать как являющиеся составными элементами механизма публично-правового, а именно антимонопольного, регулирования. Установление же в антимонопольном законодательстве (включая соответствующие нормы, содержащиеся в Гражданском кодексе Российской Федерации) исключений (иммунитетов) из общих ограничений, в том числе для договоров коммерческой концессии, может означать, что основанием для признания условий таких договоров недействительными может являться не любое негативное воздействие на состояние конкуренции, а имеющее существенный характер и в связи с этим потенциально предсказуемое для хозяйствующего субъекта (тем более если он занимает на соответствующем товарном рынке доминирующее положение, а потому предположительно обладает необходимой информацией и квалификацией). К имеющим существенное негативное влияние на конкуренцию, с учетом особенностей конкретной экономической деятельности, могут быть отнесены, в частности, нарушения, связанные со злоупотреблением хозяйствующим субъектом своим правом – в том числе совместно с другими предпринимателями при объединении с ними своей деятельности, например, по договору коммерческой концессии – способами, прямо в таком качестве указанными в законе.

6. Для выявления признаков нарушений антимонопольного законодательства, проведения анализа и оценки состояния конкурентной среды на товарных рынках, осуществления контроля за экономической концентрацией Федеральный закон «О защите конкуренции» наделяет ФАС России и ее территориальные органы рядом полномочий.

В частности, такое регулирование содержит статья 23 названного Федерального закона, согласно которой антимонопольному органу, помимо прочего, предоставлено полномочие по выдаче обязательных для исполнения предписаний, в том числе о прекращении ограничивающих конкуренцию соглашений, об изменении условий договоров или о расторжении договоров (подпункты «а», «и» пункта 2 части 1).

В последнем случае, как разъясняется в абзаце четвертом пункта 47 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 года № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства», антимонопольный орган вправе определить границы должного поведения в рамках конкретных гражданско-правовых отношений, предписав сторонам заключить договор или привести условия измененного договора в соответствие с решением, принятым по результатам рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства; однако антимонопольный орган не вправе предписывать сторонам включить в договор конкретные условия, например, о цене, об объеме и условиях продажи товара определенному покупателю.

Выдача предписаний осуществляется антимонопольным органом в рамках административных процедур по правилам, предусмотренным главой 9 Федерального закона «О защите конкуренции», и представляет собой форму контроля за соблюдением антимонопольного законодательства и административный способ защиты публичных интересов, позволяющие оперативно реагировать на действия хозяйствующих субъектов, нарушающих антимонопольное законодательство.

Что касается вопроса о признании договорных условий противоречащими антимонопольному законодательству и, как следствие, о

приоритете судебного порядка признания таких условий недействительными на основании пункта 3 статьи 1033 ГК Российской Федерации по отношению к административной процедуре, предусмотренной главой 9 Федерального закона «О защите конкуренции», то Верховный Суд Российской Федерации в указанных разъяснениях непосредственно его не затрагивает. При этом, как отмечено в пункте 61 названного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Федеральный закон «О защите конкуренции» не содержит указаний на то, что защита гражданских прав в административном порядке (путем рассмотрения антимонопольным органом дел о нарушениях антимонопольного законодательства) исключается при наличии возможности обратиться в суд или, наоборот, является обязательным условием обращения лиц, чьи права нарушены, в суд.

Схожее правовое регулирование, допускающее как административный, так и судебный порядок установления нарушений антимонопольных требований, предусмотрено в отношении торгов, запроса котировок цен на товары, запроса предложений (часть 4 статьи 17 и часть 1 статьи 23 названного Федерального закона). Как следует из правоприменительной практики, при рассмотрении соответствующих категорий дел суды исходят из того, что антимонопольный орган может обратиться в суд, реализуя полномочие, предусмотренное частью 4 статьи 17 Федерального закона «О защите конкуренции», с требованием о признании торгов (заключенных по их результатам сделок) недействительными, а также рассмотреть дело в административном порядке, предусмотренном главой 9 этого Федерального закона (абзац четвертый пункта 45 указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации).

Таким образом, ни положениями Федерального закона «О защите конкуренции», ни сложившимися подходами судебной практики принципиально не исключается возможность воздействия антимонопольного органа на субъектов экономической деятельности в рамках административной процедуры как альтернативной и в тех случаях, когда

имеется возможность предъявить вытекающие из соответствующих нарушений требования в судебном порядке.

В то же время, как следует из ряда решений, принятых Конституционным Судом Российской Федерации, конституционные гарантии охраны экономической свободы и частной собственности, включая их судебную защиту, распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере (постановления от 20 мая 1997 года № 8-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 25 апреля 2011 года № 6-П и др.). Вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушающим равновесие между интересами общества и условиями защиты основных прав, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно признаваемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению (постановления от 31 января 2011 года № 1-П, от 31 октября 2019 года № 32-П, от 5 марта 2020 года № 11-П и др.). Соответственно, воздействие антимонопольного органа должно способствовать достижению конкретных конституционно одобряемых целей, что означает возможность его осуществления только в той мере, в какой это обусловлено необходимостью защиты конкуренции.

Это согласуется и с выраженной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 года № 17-П правовой позицией, согласно которой свобода предпринимательской деятельности в ее конституционно-правовом значении не предопределяет получения гарантированного результата от осуществления экономической деятельности, но тем не менее предполагает защиту от рисков, связанных с произвольными и необоснованными, нарушающими нормальный (сложившийся) режим хозяйствования решениями и действиями органов публичной власти.

Необходимость обеспечения баланса частных и публичных интересов в сфере антимонопольного регулирования как сфере властной деятельности

государства предполагает возможность судебной проверки законности решений, принимаемых в ходе выявления и пресечения нарушений антимонопольного законодательства. С учетом этого субъекты экономической деятельности в любом случае имеют возможность реализовать право на судебный контроль за действиями органов государственной власти, в том числе за действиями антимонопольных органов (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2014 года № 2634-О, от 14 мая 2015 года № 1076-О, от 26 ноября 2018 года № 3063-О и др.).

При этом, как также указывал Конституционный Суд Российской Федерации (Постановление от 30 марта 2023 года № 12-П), в случае возникновения сомнений в понимании предписаний законодательства о защите конкуренции, в том числе в отношении перечня условий (критериев), от соблюдения которых зависит предоставление каких-либо преимуществ, хозяйствующий субъект, действующий добросовестно и разумно, применительно к обстоятельствам сложившейся у него конкретной ситуации может обратиться за дополнительными разъяснениями в ФАС России (пункт 5 части 2 статьи 23 Федерального закона «О защите конкуренции»; пункт 6.3 Положения о Федеральной антимонопольной службе).

Соответственно, признание антимонопольным органом условий договора коммерческой концессии противоречащими антимонопольному законодательству в рамках административной процедуры не исключает последующего судебного контроля, в том числе посредством оспаривания законности решений и предписаний антимонопольного органа, что имело место и в деле с участием АО «ТАРКЕТТ РУС».

Следует иметь в виду и то, что решение антимонопольного органа о нарушении антимонопольного законодательства и соответствующее предписание о его устранении не могут быть произвольными и сугубо формальными, не учитывающими особенностей хозяйствующего субъекта, состояния конкуренции и других сопутствующих факторов. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращал

внимание на то, что соблюдение принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства предполагает, что в правовом демократическом государстве, каковым является Российская Федерация, пренебрежение требованиями законности, разумности и осмотрительности со стороны публично-правового образования в лице компетентных органов, недобросовестное выполнение ими своих функций, совершение ошибок в реализации такими органами своих полномочий не должны негативно влиять на имущественные и неимущественные права добросовестных граждан и хозяйствующих субъектов (постановления от 2 июля 2020 года № 32-П, от 28 декабря 2022 года № 59-П, от 24 апреля 2025 года № 17-П и др.). Внимательному отношению антимонопольного органа к особенностям деятельности хозяйствующих субъектов призвана способствовать и практика выдачи, – как правило, до возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства и выдачи по итогам его рассмотрения обязательного для исполнения предписания – предупреждения в соответствии со статьей 39¹ Федерального закона «О защите конкуренции». Такое предупреждение составляется в письменной форме, должно содержать обоснованное мнение антимонопольного органа о признаках нарушения и предложение о его устранении.

Также не следует исключать и того, что предписание антимонопольного органа, принятое в рамках административной процедуры, в том числе в отношении не соответствующих законодательству условий договора коммерческой концессии, может быть исполнено сторонами в добровольном порядке, что предполагает разрешение возникающих противоречий на досудебной стадии, т.е. без обращения в суд. При таких обстоятельствах сторонам договора предоставляется возможность самостоятельно адаптировать договорные условия к антимонопольным требованиям, в том числе на основе допускаемого законом внесудебного взаимодействия с антимонопольным органом с целью уточнения его позиции, не нарушая при этом общий баланс взаимных интересов и сохраняя функциональную эффективность договорного регулирования, что могло бы

оказаться невозможным в случае судебного признания условий договора недействительными.

Вместе с тем признание антимонопольным органом условий договора коммерческой концессии противоречащими – с учетом состояния соответствующего рынка и экономического положения сторон – антимонопольному законодательству, а также выдача им на этом основании предписания о необходимости устранения нарушения сами по себе не влекут признания недействительности таких договорных условий, для чего, по общему правилу, требуется обращение в суд с исковыми требованиями. Соответственно, не является основанием для признания договора коммерческой концессии недействительным и отказ в требовании о признании недействительным предписания антимонопольного органа, вынесенного в указанной административной процедуре. Кроме того, до признания судом недействительным договора коммерческой концессии полностью или в части (кроме случаев, когда договор считается ничтожным, – статьи 169 и 170, пункт 2 статьи 1033 ГК Российской Федерации и др.) к сторонам такого договора не могут быть применены частноправовые последствия недействительности сделки (статья 167 ГК Российской Федерации и др.), а также обусловленные таким признанием меры публично-правовой ответственности.

Таким образом, пункт 3 статьи 1033 ГК Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования он не препятствует признанию антимонопольным органом в рамках административной процедуры отдельных ограничительных условий договора коммерческой концессии (включая упомянутые в пункте 1 данной статьи) – в том числе влекущих создание со стороны хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение на товарном рынке, препятствий доступу на него другим хозяйствующим субъектам – противоречащими антимонопольному законодательству, что не исключает последующей проверки обоснованности такого решения в судебном порядке в случае его оспаривания, а также само

по себе не влечет признания недействительными названных условий договора, с учетом возможности предъявления соответствующих исковых требований в судебном порядке.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 3 статьи 1033 ГК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования он не препятствует признанию антимонопольным органом в рамках административной процедуры отдельных ограничительных условий договора коммерческой концессии (включая упомянутые в пункте 1 данной статьи) – в том числе влекущих создание со стороны хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение на товарном рынке, препятствий доступу на него другим хозяйствующим субъектам – противоречащими антимонопольному законодательству, что не исключает последующей проверки обоснованности такого решения в судебном порядке в случае его оспаривания, а также само по себе не влечет признания недействительными названных условий договора, с учетом возможности предъявления соответствующих исковых требований в судебном порядке.

2. Настоящее Постановление как выявившее конституционные критерии применения пункта 3 статьи 1033 ГК Российской Федерации обязательно для судов и иных правоприменительных органов.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 28-П

Конституционный Суд
Российской Федерации